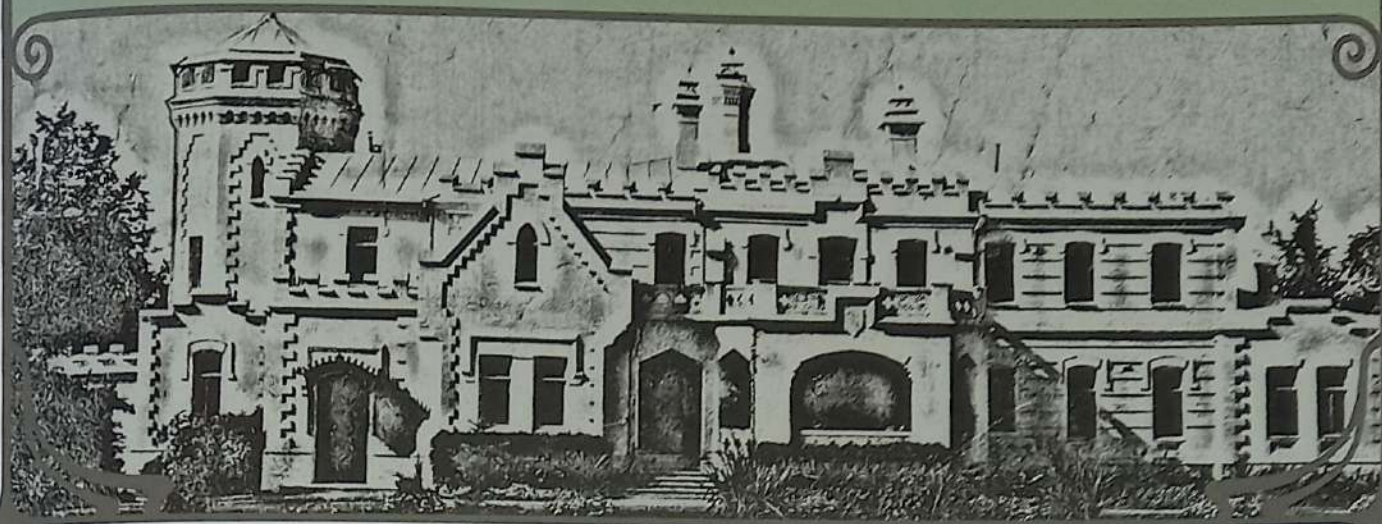

А.А. Найдёнов

Усадьба близ п. Красное Знамя Грязинского района

Развалины усадьбы и остатки парка на берегу р. Байгора у посёлка Красное Знамя когда-то были центром сц. Никольское, возникшего в первой половине XVIII столетия как владение дворян Сухаревых. В конце 1750-х гг. Прасковья Максимовна Сухарева (ок. 1740—?) вышла замуж за прапорщика в отставке Григория Варфоломеевича Вельяминова (ок. 1730—ок. 1802), в качестве приданного получившему сц. Никольское Усманской округи, в котором в 1793 г. проживали 39 душ м.п. и 52 души ж.п.¹ С этого времени и вплоть до революции 1917 г. усадьба в Никольском находилась во владении Вельяминовых.

Русский дворянский род Вельяминовых, по преданию, ведёт свое начало от некого Шимона, сына ваяжского князя Африкана, который в 1027 г. пришёл к князю Ярославу Мудрому и принял православие. Его потомство и стало со временем дворянским родом Вельяминовых, представителя которого в XIV в. были московскими тысяцкими. Потомство

Фёдора Сергеевича Вельяминова, верстанного поместным окладом в Рязанском уезде в 1628—1629 гг., стало рязанской ветвью рода, от которой происходили представители т.н. тамбовской ветви — потомки Михаила Фёдоровича². Герб Вельяминовых, внесённый во 2-ю часть Общего гербовника, имеет следующее описание: «Щит разделён перпендикулярно на две части, из коих в правой в золотом поле изображена половина Орла белого в золотой на главе Короне. В левой части в красном поле означены крестообразно три Палицы, имеющие рукоятки и копья золотые. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дорянскою на нём Короною и тремя страусовыми перьями. Намёт на щите красный, подложенный золотом»³.

Григорий Варфоломеевич Вельяминов в 1793 г. вместе с женой и детьми был внесён в 6-ю часть дворянской родословной книги по Тамбовской губернии. Постоянно он проживал в сц. Богохранимое Липецкого уезда, где у них с женой было 98 крестьян м.п. и 74 ж.п., но в Никольском всё это время сохранялась помещичья усадьба, которая должна была достаться кому-то из многочисленных детей Григория Варфоломеевича и Прасковьи Максимовны. Их было девять: четверо сыновей — Александр, Николай, Василий и Владимир, и пять дочерей — Афимья (Евфимия), Ирина, Александра,

Герб дворян Вельяминовых

Анна и Екатерина⁴. Но и недвижимое имение, принадлежавшее Г.В. и П.М. Вельяминовым, было значительным. Кроме вышеперечисленных имений при с. Никольское и с. Богохранимое, Григорий Варфоломеевич владел по наследству и благоприобретёнными в д. Дурные Кусты в дачах с. Тырково Липецкой округи Тамбовского наместничества м.п. 18 душ, а ж.п. 15 душ; в с. Якимец Раненбургской округи Рязанского наместничества м.п. 4 души, а ж.п. 3 души; в приданное за женой и благоприобретёнными ей в д. Черемошная Поляна Усманской округи Тамбовского наместничества м.п. 20 душ, а ж.п. 25 душ; в д. Горки Устюжской округи Новгородского наместничества м.п. 20 душ, а ж.п. 17 душ, в с. Путятино Сапожковской округи Рязанского наместничества м.п. 38 душ, ж.п. 36 душ⁵. В августе 1802 г., когда все дочери уже были выданы замуж, а трое из четырёх сыновей закончили службу и находились в отставке, Григорий Варфоломеевич Вельяминов обратился к тамбовскому губернскому предводителю дворянства Д.М. Мартынову с просьбой поспособствовать в выдаче аттестата младшему сыну Владимиру, ещё проходившему в это время военную службу, для получения отпуска и участия в разделе имения: «Имею я с женою моею в разных губерниях, в том числе по Тамбовской по городам Липовцу и Усмони в селцах Богохранимом и Никольском движимое и недвижимое имение, а по немалой старости наших лет и слабого здоровья нашего оным самим уже владеть не в силах, а отдали

разделить между собой детям нашим четырём сыновьям, из которых один Владимир обретается в военной службе в Киевском драгунском полку поручиком и при оном разделе надлежит ему быть самому в отпуске...»⁶ Владимир Григорьевич Вельяминов (1778—до 1823) в службу вступил 31 сентября 1791 г. в л.-гв. Гусарский полк унтер-офицером, 20 сентября 1799 г. был произведён в корнеты, 9 февраля 1802 г. — в поручики с переводом в Киевский драгунский полк. По всей видимости, хлопоты родителей об отпуске не увенчались успехом, так как 2 ноября 1803 г. В.Г. Вельяминов был уволен в отставку в чине штабс-капитана. По раздельному акту от 26 января 1805 г. с братьями Александром, Николаем и Василием наследовал имение с крестьянами в с. Якимец Рязанской губернии и благоприобретённое родителями имение в Усманском уезде — земли близ с. Мечёк и с. Никольское, в дачах с. Матрёнка, с. Ольховка и д. Черемошная Поляна⁷.

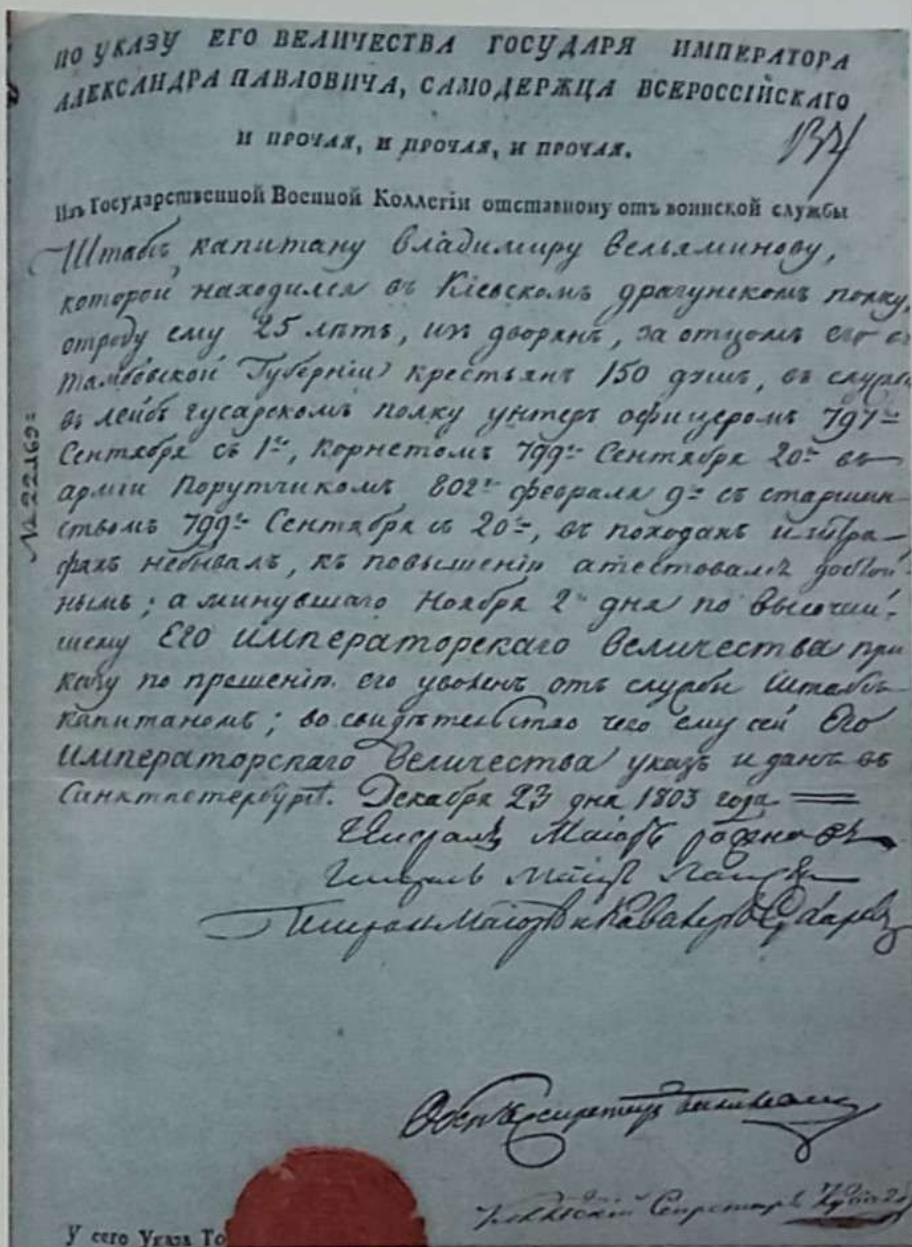
В феврале 1809 г. Владимир Григорьевич Вельяминов просил внести в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии жену Эмилию Степановну и сына Николая, родившегося 14 мая 1807 г.⁸ Именно Николай Владимирович стал единственным наследником движимого и недвижимого имения умершего около 1819 г. родителя. В это время за малолетним Н.В. Вельяминовым, чьё имение было в опеке, числилось по 7-ой ревизии Усманского уезда в с. Никольское 139 душ и в с. Завальное 20 душ, а также в Задонском уезде Воронежской губернии в с. Курино 68 душ, а всего 227 душ⁹. Опекуном над имением Н.В. Вельяминова был его родной дядя Александр Григорьевич Вельяминов, секунд-майор в отставке, служивший судьёй в Липецком уездном суде¹⁰.

Достигнув 15-летнего возраста, Николай Владимирович Вельяминов по семейной традиции вступил в службу юнкером в л.-гв. Сапёрный батальон 28 сентября 1822 г., откуда 6 декабря 1824 г. был переведён в пехотный генерал-фельдмаршала герцога Веллингтона полк. Как сказано в его послужном списке, «в походах не бывал, обучался арифметике, геометрии, истории, географии, рисованию, архитектуре, Закону Божию, российскому, немецкому и французскому языкам», наград не имеет, холост. 27 августа 1827 г. подпрапорщик Н.В. Вельяминов был уволен от службы «за болезнью» с награждением чином 14-го класса, т.е. коллежского регистратора¹¹.

Выйдя в отставку, Николай Владимирович поселился в своей усадьбе в сд. Никольское, расположенном «реки Байгоры на правой, а оврага Черемошного на левой стороне», где у него в это время был деревянный господский дом и земли, лежащие «той же реки Байгоры и речки Ольшанки на правой, а оврага Черемошного на левой и по обе стороны залива, лога Безымянного, разных отвершков и оврага Гранского по обе стороны»¹². Как и большинство мелкопоместных провинциальных дворян, Н.В. Вельяминов сам занимался своим хозяйством. На р. Ольшанка у него была «мучная мельница о 3-х поставах и одной толчеи, действие имеет во все годовое время, кроме полои воды, земля чернозём, на которой из посева лучше родится рожь, овёс и греча, а прочие семена и сённые покосы средственные, лес строевой и дровяной дубовый, берёзовый и осиновый, крестьяне промысел имеют хлебопашеством, женщины сверх полевой работы упражняются в домашних рукоделиях, зажитком средственные»¹³. В самом Никольском действовал конный завод рысистой породы, в котором по данным на 1851 г. было 58 голов¹⁴.

В конце 1830-х гг. Н.В. Вельяминов служил помощником столоначальника в Тамбовском дворянском депутатском собрании, а в 1839 г. в связи с болезнью усманского предводителя дворянства поручика Яковлева как его кандидат был назначен на эту самую почётную для дворян выборную должность¹⁵. И возглавлял усманское дворянство Николай Владимирович Вельяминов в чине губернского секретаря до 1848 г.¹⁶ Примечательно, что в 1848 г. в должности уездного предводителя его сменил зять, муж дочери Анны Николаевны (1828—1853), князь Дмитрий Егорович Вяземский (1813—1850). Имя последнего граничило с севером с землями Велья-

миновых и насчитывало более 1 100 душ крестьян¹⁷. Казалось бы, что породнившимся и богатым соседям — Вельяминовым и князьям Вяземским — предстояла долгая и беззаботная жизнь, но уже в 1849 г. неожиданно умер Н.В. Вельяминов, в 1850 г. в результате крестьянских волнений трагически погиб кн. Д.Е. Вяземский, а в 1853 г. скончалась и кн. А.Н. Вяземская. Их малолетние дети Леонид и Лидия были взяты на воспитание вдовой Н.В. Вельяминова Эмилией Степановной (?—1858). В усадьбе в сд. Никольское прошли детские годы будущего военного и государственного деятеля, начальника Главного управления уделов, генерала от

Аттестат о службе В.Г. Вельяминова, 1803 г. ГАТО

кавалерии, устроителя образцового хозяйства в своём имении Лотарево, находившегося в нескольких верстах от Никольского, кн. Леонида Дмитриевича Вяземского (1848–1909).

Э.С. Вельяминова воспитывала и своих детей: кроме дочерей Анны и Марии у неё были сыновья Александр (1833–до 1873), Владимир (1837–?) и Григорий (1842–1910). Последнему суждено было стать вместе с сестрой Марией Николаевной владельцем родовой усадьбы в Никольском почти до самой революции 1917 г. Григорий Николаевич Вельяминов родился 15 ноября 1842 г. в Никольском и был крещён в тот же день в новопостроенном деревянном храме св. Димитрия Солунского в с. Коробовка. Восприемниками его при крещении стали старшие брат и сестра Александр и Ольга¹⁸. По окончании курса наук в Петербургском университете Г.Н. Вельяминов 21 сентября 1865 г. поступил на службу в канцелярию Комитета министров, где в 1870 г. был произведён в коллежские регистраторы, а 18 января 1872 г. с Высочайшего соизволения государыни императрицы назначен почётным членом Петербургского Совета детских приютов¹⁹.

На это период владения Г.Н. Вельяминовым родовой усадьбой выпало составление уставных грамот и перевод на выкуп бывших помещичьих крестьян, которых по 10-ой ревизии за Вельяминовым числилось 195 душ. В объявлении на имя мирового посредника 3-го участка Усманского уезда от сентября 1873 г. коллежский регистратор Г.Н. Вельяминов сообщил, что владеет имением по наследству от родителей и покойного брата Александра Николаевича и земля, предназначенная его бывшим крестьянам в надел, состоит в следующих границах: «... с севера земля крестьян д. Олышанки, с востока — князя Вяземского, с юга — крестьян села Нижней Матрёнки и с запада принадлежащая собственно мне, по уставной грамоте шестьсот тридцать три десятины и одна тысяча восемьсот квадратных сажень»²⁰.

По уставной грамоте 1862 г. «сельца Никольского помещиков Александра, Григория и Марии Николаевых Вельяминовых», в принадлежащем им сельце значились по 10-ой ревизии 88 дворовых и 147 крестьян, из числа которых после ревизии было отпущено на волю 14 дворовых. Кроме того, в Никольском проживали в своих усадьбах ещё 48 кре-

Сц. Никольское на карте Тамбовской губернии 1850-х гг.

стьян, принадлежащих Вельяминовым и записанным по с. Завальное Усманского уезда. Итого 195 крестьян в соответствии с Положением о крестьянской реформе должны были получить земельный надел. До отмены крепостного права в их владении состояло до 770 дес. земли, из которых 20 дес. было занято крестьянскими усадьбами, огородами, конопляниками, гуменниками и выгоном. При размере высшего душевого надела для данной местности в 3 дес. 600 кв. саж. все 195 душ бывших крестьян Вельяминовых должны были получить от своих помещиков 633 дес. 1 800 кв. саж. земли. Следовательно, «лишние» 136 дес. 600 кв. саж. земли отходили владельцам.

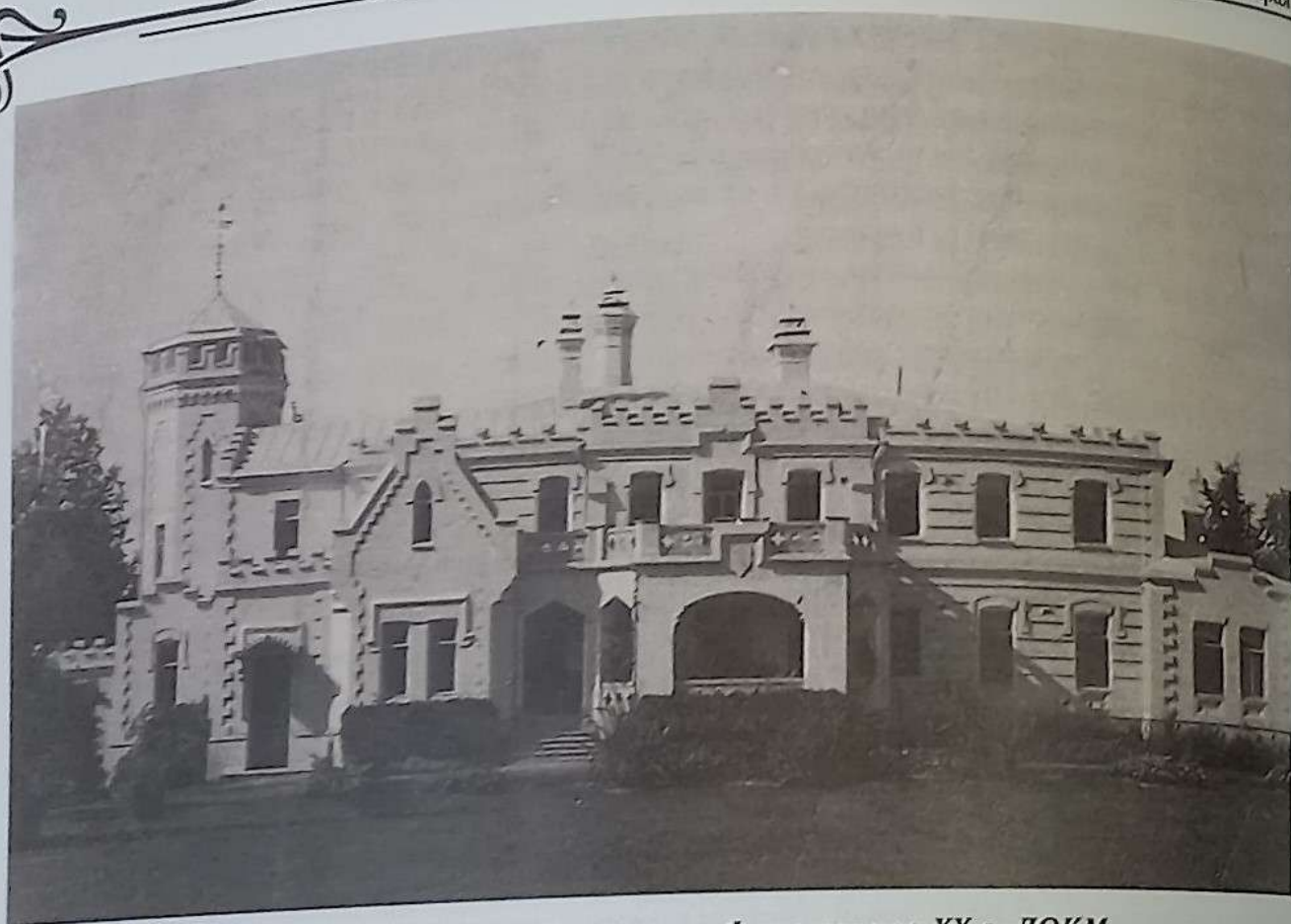
Поскольку до крестьянской реформы земли, обрабатываемые крестьянами сц. Никольское, находились в чрезполосном владении с землями Вельяминовых, то было решено уничтожить эту чрезполосицу путём выделения крестьянам 633 дес. 1 800 кв. саж. земли отдельным участком к востоку от Никольского на берегу р. Ольшанка, где к этой пахотной земле прибавлялся участок и для усадебных мест на берегу реки. В итоге земли крестьян должны были граничить с востока с р. Ольшанка и землёй князей Вяземских, с севера — с землёй крестьян с. Коробовка, с юга — с землёй государственных крестьян с. Нижняя Матрёнка, а с запада — с землёй Вельяминовых. Сюда же, в границы нового земельного участка на берег р. Ольшанка, переселялись все 40 дворов бывших крепостных крестьян сц. Никольское со всем своим крестьянским хозяйством²¹. Таким образом Вельяминовы решали проблему совместного проживания владельцев усадьбы в одном сельце с бывшими крепостными, где, к примеру, среди крестьянских изб находился и господский флигель.

После переселения крестьян сц. Никольское на новое место к р. Ольшанка там возникла деревня с тем же наименованием — Никольская. А в сц. Никольское на берегу р. Байгора осталась лишь усадьба владельца — Григория Николаевича Вельяминова. Он, кстати, в 1874 г. был произведён в губернские секретари, в 1876 г. — в коллежские секретари, состоял в должности почётного мирового судьи Усманского уезда, а в 1890 г. имел чин титулярного советника. В составе его имения в Усманском уезде было 2 200 дес. земли.

Примерно к концу 1880-х гг. относится перестройка главного усадебного дома Вельяминовых по

проекту известного русского зодчего П.С. Бойцова (1849— после 1918). Этим временем датирует «дом Г.Н. Вельяминова» в Тамбовской губернии (без указания названия усадьбы) и М.В. Нащокина²². Можно предположить, что привлечение столь крупного архитектора к работам в Никольском стала возможным в связи с такими же работами Бойцова в соседней усадьбе кн. Вяземских. Перестройкой главного дома в Лотарево П.С. Бойцов занимался лично во второй половине 1880-х гг. в соответствии с проектом, подписанным им самим датой «1886»²³. По-видимому, Г.Н. Вельяминов вслед за кн. Л.Д. Вяземским решил привлечь П.С. Бойцова к проектированию своего усадебного дома, или же они вместе пригласили уже достаточно известного и модного московского зодчего к работам в своих усадьбах. Ведь кроме близких родственных связей двух соседей-помещиков в это время связывали и служебные отношения: Григорий Николаевич Вельяминов управлял Департаментом уделов по Московскому удельному округу, находясь, таким образом, в подчинении у своего племянника князя Л.Д. Вяземского. Причём Г.Н. Вельяминов в эти годы сделал головокружительную карьеру — всего за четыре года он миновал 3 ступени в табели о рангах и в 1894 г. имел уже чин коллежского советника²⁴.

Сегодня мы можем судить о внешнем виде усадебного дома Вельяминовых только по нескольким фотографиям из семейного архива князей Вяземских, ныне хранящимся в фондах Липецкого областного краеведческого музея. Протяжённый объём дома имеет облик, характерный для усадебных домов Бойцова. Его эклектичная архитектура основана на интерпретации готических и ренессансных мотивов. Активные полосы ленточного руста и рустованными углами отсылают к постройкам французского Ренессанса, открытая кирпичная кладка, зубчатые навершия стен, балюстрады с квадрифолиями и ризалит с щипцом — к английским замкам. Ризалит и объединённое с террасой крыльцо образовывали «парадный фасад» дома, при этом спрятавшийся за ним основной объём выглядит почти нейтральным, его облик близок казённым строениям или вокзальной архитектуре. Это отличает его от достаточно близкого по многим элементам дома в подмосковном Успенском, более компактного и последовательно «готического». Перед нами как будто сознательное избегание вертикальных акцентов — даже башня увенчана пологой кровлей-коллаком.

Главный фасад усадебного дома в Никольском. Фото начала XX в. ЛОКМ

Возможно, именно так архитектор и заказчик понимали «английский» характер дома. К примеру, главный дом подмосковной усадьбы Щербатовых Васильевское, построенный по проекту Бойцова в те же 1880-е гг., тоже имеет краснокирпичную фактуру стен и башню (правда, цилиндрическую) без завершения. Сближает эти два дома и сдержанная трактовка готической темы²⁵.

Постройка и отделка столь обширного и величественного дома наверняка стоили Г.Н. Вельяминову больших затрат. Поэтому неудивительно, что в 1894 г. Григорий Николаевич просил Государственный дворянский земельный банк о выдачу ссуды под залог своего имения «... в дачах: Никольской, Матренской и Черемушной Поляны и в дачах села бывшего города Демшинска при реке Байгоре и в даче Никольской 2 152 дес. 2 285 кв. саж. земли, среди них 22 дес. 1 500 саж. усадебной, 1 465 дес. 1 155 саж. пахотной, 313 дес. 2 190 саж. сенокосной, 228 дес. 2 140 саж. выгонной, 88 дес. 1 860 саж. леса. Итого удобной 2 119 дес. 1 645 саж., неудобной — 33 дес. 640 саж.» Имение при сд. Никольское было оценено в 302 200 руб., причём земельные угодья в 281 010 руб., а постройки — в 21 190

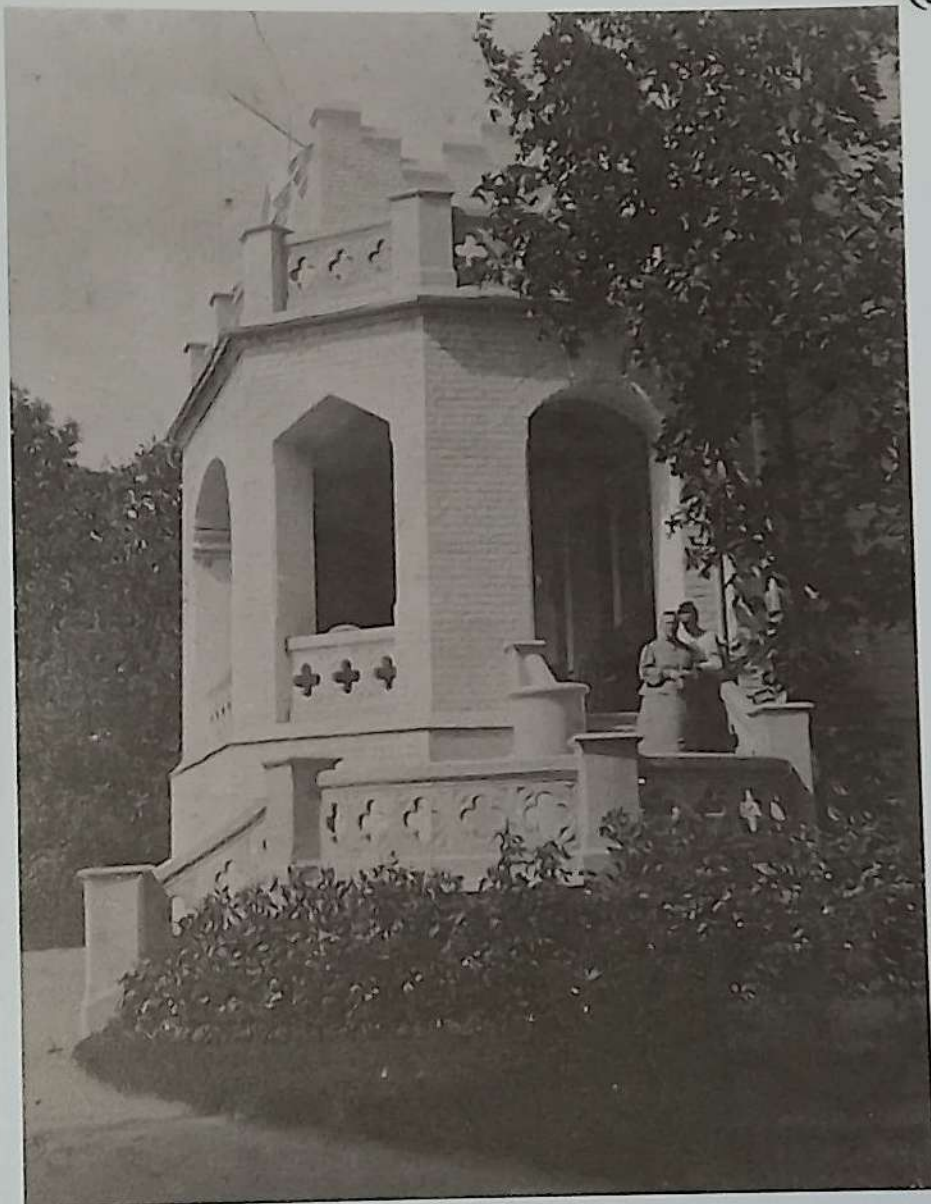
руб.²⁶ В итоге в 1897 г. владелец усадьбы в сд. Никольское по итогам перезалога своего имения получил 181 300 руб. с учётом выплаты прежних долгов Обществу взаимного поземельного кредита и Дворянскому земельному банку²⁷.

При этом оценщиком А.В. Кренке была составлена опись с оценкой строений в имении Г.Н. Вельяминова при сд. Никольское, в которых все усадебные постройки оценены в 50 800 руб., а мёртвый инвентарь в 6 860 руб. При этом ежегодный расход на ремонт построек и инвентаря оценивался в 3 466 руб. «Хозяйство ведётся за счёт владельца. Валового дохода получается в год 42 996 руб. 45 коп. Земля в имении удобряется в количестве всей пахотной земли. Другим, кроме земли, источником дохода служит водяная мукомольная мельница, приносящая чистого дохода 943 руб. Расходы по имению процируются в год до 24 991 руб. 63 коп.»²⁸

В 1897 г. Г.Н. Вельяминов застраховал в «Северном страховом обществе» постройки своей усадьбы: «Главная усадьба: А. Господский дом 2-х этажный, смешанный, крыт железом. Б. Коридор кирпичный, кр. железом. В. Людская и кухня смешан. кр. желез. Г. Флигель смешан. крыт железом. Д.

Контора и людская кирпичн. крыт. железом. Е. Рига с манежем деревян. кр. солом. Ж. Скотный двор и воловник кирпичн. кр. соломой. З. Инвентарный сарай и коровник кирпичн. крыт. железом. И. Птичник смешан. кр. солом. К. Зерносушилка и кузница кирпичн. крыт. железом. Л. Флигель и мастерская кирпичн. кр. железом. М. Магазин и амбар кирпичн. крыт. железом. Н. Инвентарный сарай деревянный крыт. железом. О. Людская кирпичная кр. железом. П. Конный двор кирпичн. кр. железом. Р. Манеж при конном заводе кирпичн. кр. железом. С. Строение кирпичное крытое железом. На «Новом» хуторе: Т. Дом управляющего и контора с кухней кирпичн. крыт. железом. У. Свилярник сажан. кр. железом. Ф. Скотный двор и конюшня сажан. кр. железом. Х. Людская деревянная кр. железом. Ц. Амбар деревянный кр. железом. Ч. Людская сажан. кр. соломой. Ш. Рига деревян. кр. соломой. На «Старом» хуторе: Щ. Флигель для служ. дерев. кр. желез. Б. Амбар с набором смеш. Кр. железом. Ъ. Людская дерев. кр. камыш. Э. Амбар сажан. кр. железом. Ю. Скотный двор сажан. кр. камыш. Я. Скотный двор сажан. кр. кам.»²⁹. В описании строений из страхового дела приводится подробная характеристика главного усадебного дома: «Дом смешанный в 2 этажа, на кирпичном фундаменте, деревянный, обложен кирпичом, крыт железом, вышиною нижний этаж 5 арш., и верхний этаж 4 арш., внутри стены и потолки оштукатурены, полы окрашены, капитальных стен внизу и вверху по 2 поперечных и по 1-й продольной, окна и двери с медными приборами, при нём имеется балкон. Занят владельцем. Находится в очень хорошем виде»³⁰.

Вернёмся к семье Г.Н. Вельяминова... В 1886 г. он венчался с дочерью действительного

Веранда дворового фасада усадебного дома в Никольском.
Фото начала XX в. ЛОКМ

статского советника, камергера Фёдора Андреевича Беклемишева (1830—1906) Ольгой (1864—1917). Поручителями по жениху при венчании были генерал-лейтенант Владимир Васильевич Левашов и флигель-адъютант, полковник кн. Леонид Дмитриевич Вяземский; по невесте: коллежский советник Михаил Фёдорович Петрово-Солово и коллежский асессор Иван Александрович Кошелев. У Г.Н. и О.Ф. Вельяминовых в Никольском родились дети: Мария (1887—1970-е), Ольга (1888—1917) и Владимир (1894—?). По семейной традиции всех их крестили в приходском для Вельяминовых храме — Димитриевской церк-

ви с. Коробовка³¹. И по той же традиции в воспитанниках детей Г.Н. Вельяминова обычно был кто-нибудь из князей Вяземских. Следует отметить, что в конце XIX — начале XX вв. Вельяминовы и князья Вяземские по-прежнему тесно общались, дружили семьями, вместе проводили время. Это наглядно отражено и в воспоминаниях дочери князя Л.Д. Вяземского кн. Лидии Леонидовны Васильчиковой (1886–1948) «Исчезнувшая Россия»: «В пяти верстах от Лотарева находилось имение наших родственников Вельяминовых, носивших то же название, как и наша река Байгора (речь идёт о втором неофициальном наименовании

М.Н. Вельяминова. Фото конца XIX в. УКМ

усадьбы в семье Вельяминовых, князей Вяземских, их окружении и даже некоторых документах, в которых писалось «Сельцо Никольское, Байгора тож» — Прим. авт.), душой которого была тётка моего отца, Бабушка, как мы её называли (так в семье Вельяминовых и князей Вяземских называли сестру Г.Н. Вельяминова Марию Николаевну — Прим. авт.). Она была всего десятью годами старше его, хотя заменила ему мать. В шестилетнем возрасте он остался круглым сиротой и жил на Байгоре у Бабушкиной матери... Правда тётка и племянник всю жизнь были в самых нежных отношениях. Она не захотела выйти замуж, чтобы не расставаться с племянниками, и когда после многих лет страданий и пребывания в южных странах сестра моего отца скончалась, то Бабушка поселилась в деревне. Все, кто знал её в те давние годы, говорили, что она была не только красива и обаятельна, но показала редкую энергию и самостоятельность для такой молодой женщины...

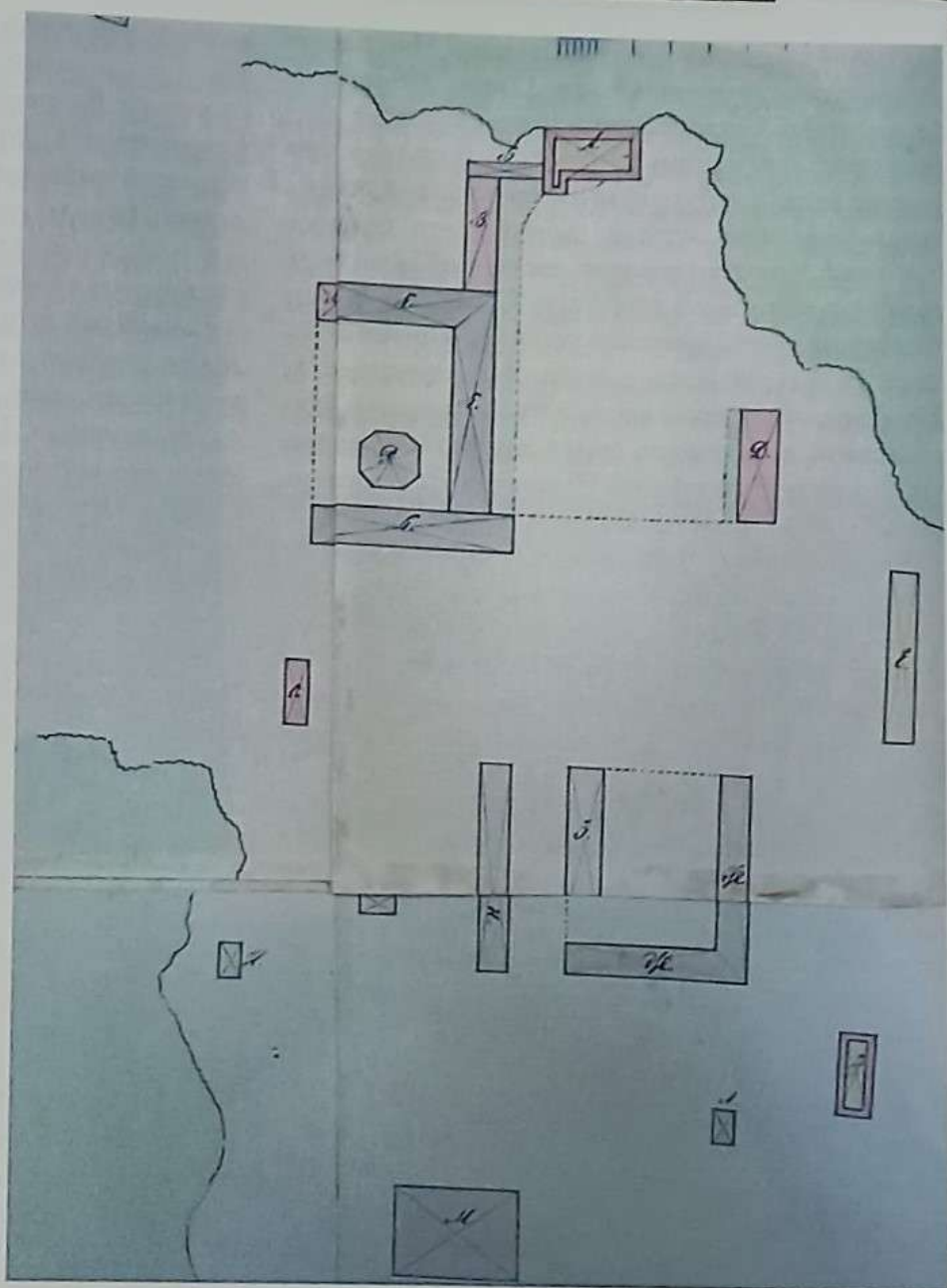
На Байгоре у Бабушки был свой маленький дом; в главном жила семья её брата, чьи дети были нашими сверстниками. Мы охотно её посещали как на Байгоре, так и на хуторе, и если она с нашим отцом была в молодости строга и требовательна, то нам она позволяла решительно всё, и чем больше мы, фигурально говоря, ходили на головах, тем она бывала довольнее... Зато у моего поколения были на Байгоре и два заклятых врага: экономка Татьяна Фёдоровна и старый дворецкий Семён Романович, последний типичный пережиток крепостного времени. Он ненавидел нас за нарушение установленного порядка и за причиняемый нашими приездами шум и постоянно на нас ворчал, а Татьяна Фёдоровна не одобряла наших налётов на её кладовую, и когда мои двоюродные сёстры отправлялись в Лотарево, она их провожала наставлениями: «Смотрите, в Лотарево хорошенько покушайте!», желая, вероятно, восстановить этим равновесие между заготовками двух соседних усадеб и возместить причинённый нашими аппетитами урон её собственному хозяйству. Оттого ли, что жена моего дяди Вельяминова была москвичкой, но та атмосфера «девичьих», о которых читаешь в описании старорусских усадеб, была более заметна на Байгоре, чем у нас в Лотареве. Там существовало множество девушек — разные Акулины, Дуняши, Маши и Груши, без определённых занятий, которых мы только и видели в известных случаях, как собирание ягод, варка варенья, закупка всякой всячины на осенней ярмарке и т.д. Чем все они занимались в остальное время года, не могу сказать, но теперь, оглядываясь на своё русское прошлое и сравнивая этот многочисленный русский персонал со служащи-

ми в иностранных домах, понимая, почему упомянутая Татьяна Фёдоровна имела основание считать себя чем-то вроде премьер-министра...

Кульминационным пунктом наших каникул были именины моего отца, 8 августа, к которым мы готовили ежегодный спектакль... Во время царствования M-elle Gendre она не только режиссировала французские пьесы, но однажды устроила и живые картины исключительно исторических сюжетов. Правда, в последнюю минуту программу пришлось несколько изменить, потому что мой пятилетний дядя и крестник Вельяминов, который должен был предстать перед публикой в качестве Меркурия, с кадуцеем в руке и крылышками на ногах в виде единственного облачения, наотрез отказался выйти в голом виде и категорично заявил: «Без рубашки не выйду», сбив с толку M-elle Gendre, настаивавшую на точности исторических костюмов»³².

Упоминаемые автором этих воспоминаний каникулы, которые дети кн. Л.Д. Вяземского проводили в усадьбе Лотарево, точно также касались и детей Г.Н. Вельяминова. Он в начале 1900-х гг., как уже отмечалось, управлял Московским удельным округом в чине действительного статского советника и в придворном звании камергера Двора Его Императорского Величества. Григорий Николаевич был награждён орденами св. Станислава I и II степеней, св. Владимира III и IV степеней, серебряной медалью Александровской ленте для ношения на груди в память императора Александра III, серебряной медалью на Андреевской ленте в память коронации императора Николая II и знаком в память 100-летия Уделов³³.

В этот период семья Г.Н. Вельяминова проживала, в основном, в Москве, в т.н. «удельном доме» на

План усадьбы Г.Н. Вельяминова в с. Никольское, 1898 г. ЦГАМ

Пречистенском бульваре (ныне — Гоголевский бульвар, 10). Интересные воспоминания об этом доме и семье Вельяминовых оставила Т.А. Аксакова-Сиверс: «Первые годы после свадьбы мама и дядя Коля жили не в большом Удельном доме, а в первом этаже двухэтажного флигеля, находившегося рядом с церковью Ржевской Божьей Матери. В главном здании с шестью колоннами и надписью на фронте «Московский Удельный округ 1835 г.» (на самом деле дата постройки дома на портике читалась как «1830 года» — Прим. авт.), куда мы переехали несколько позднее, в то время жили Вельяминовы.

Начальник Удельного округа Григорий Николаевич Вельяминов был женат на Ольге Фёдоровне (урожденной Беклемишевой) и имел троих детей — Марусю, Олю и Диму. Девочки были значительно старше меня, а с Димой, моим сверстником, у меня завязалась такая крепкая дружба, что большой Удельный дом стал для меня своим ещё задолго до того, как мы в него переехали. Ольга Фёдоровна была одна из тех приятных женщин, которые сочетают ум и сердечность с большой скромностью. С Вельяминовыми жила также тетушка Григория Николаевича, воспитавшая своего другого племянника кн. Леонида Дмитриевича Вяземского... Проезжая через Москву, все Вяземские (в том числе «Димка, Дилька и Адишка») являлись на поклон к тётушке Марии Николаевне. Когда мы с ним познакомились, Дима (Владимир) Вельяминов был одиннадцатилетним мальчиком, таким же милым и немного застенчивым, как его мать. Страдая врождённым пороком сердца, он с детства был окружён заботой всего дома, и другой ребёнок в таких условиях стал бы избалованным. Ничего подобного с Димой не случилось, и, вспоминая друга моих детских лет, я представляю себе тихого мальчика в матроске, со смутным лицом, смешливого, иногда мило заикающегося, но всегда утончённо деликатного...

В продолжение трех лет, приготовив уроки, я отправлялась через двор к Вельяминовым, которые занимали два этажа большого дома, причём все комнаты, включая кабинет Григория Николаевича, были предоставлены для наших игр. Излюбленным местом была парадная лестница, внизу которой стояли алебастровые египтяне, поддерживавшие потолок своими головами. Покрытые красным ковром ступени вели на площадку второго этажа, где было несколько колонн и маленький, совершенно незаметный чуланчик для хранения щёток и метёлок. Это было прекрасное место для прятков. В наших играх принимал участие гувернер Димы Mr. Boyle, который бегал с нами, как равный. Спасаясь от погони, мы в воступлении кричали ему: «The hand! the hand!», м-р Бойль подавал нам руку и с ловкостью спортсмена перекидывал нас на другой конец комнаты, спасая от преследователя. После беготни всегда хотелось пить. Зная, что я люблю апельсины, Дима отправлялся в буфетную и заказывал старшему лакею Сурову апельсиновое питьё, которое торжественно приносил мне на серебряном подносе. Одно время мы с Димой и его сёстрами брали уроки рисо-

вания у известного художника Фёдора Ивановича Рерберга, а по воскресеньям отправлялись на Поварскую к Диминой бабушке Дарье Александровне Беклемишевой, урождённой Кошелевой, где нас встречали очень приветливо. Дарья Александровна давала Диме уроки Закона Божия и, для лучшего усвоения, мы играли в особую игру её изобретения. На карточках были наклеены имена пророков и царей иудейских. Эти карточки мы должны были передавать друг другу, подбирая их по сериям в хронологическом порядке.

За домом на Поварской был большой сад. В этом саду мы прощались, когда весной 1907 года Вельяминовы уезжали в Петербург. Дима передал мне письмо, в котором детским почерком отмечал все этапы нашей дружбы и обещал никогда не забыть меня. Это письмо, каким-то чудом уцелевшее, я переслала несколько лет назад через маму за границу... В этот день я тихонько вынула из альбома у Вельяминовых любительскую карточку, которая изображала Володю Трубецкого играющим в теннис с мистером Бойлем на Байгоре (имение Вельяминовых) и положила её в самый потайной ящик своего стола (эта карточка погибла только в 1937 г.)...

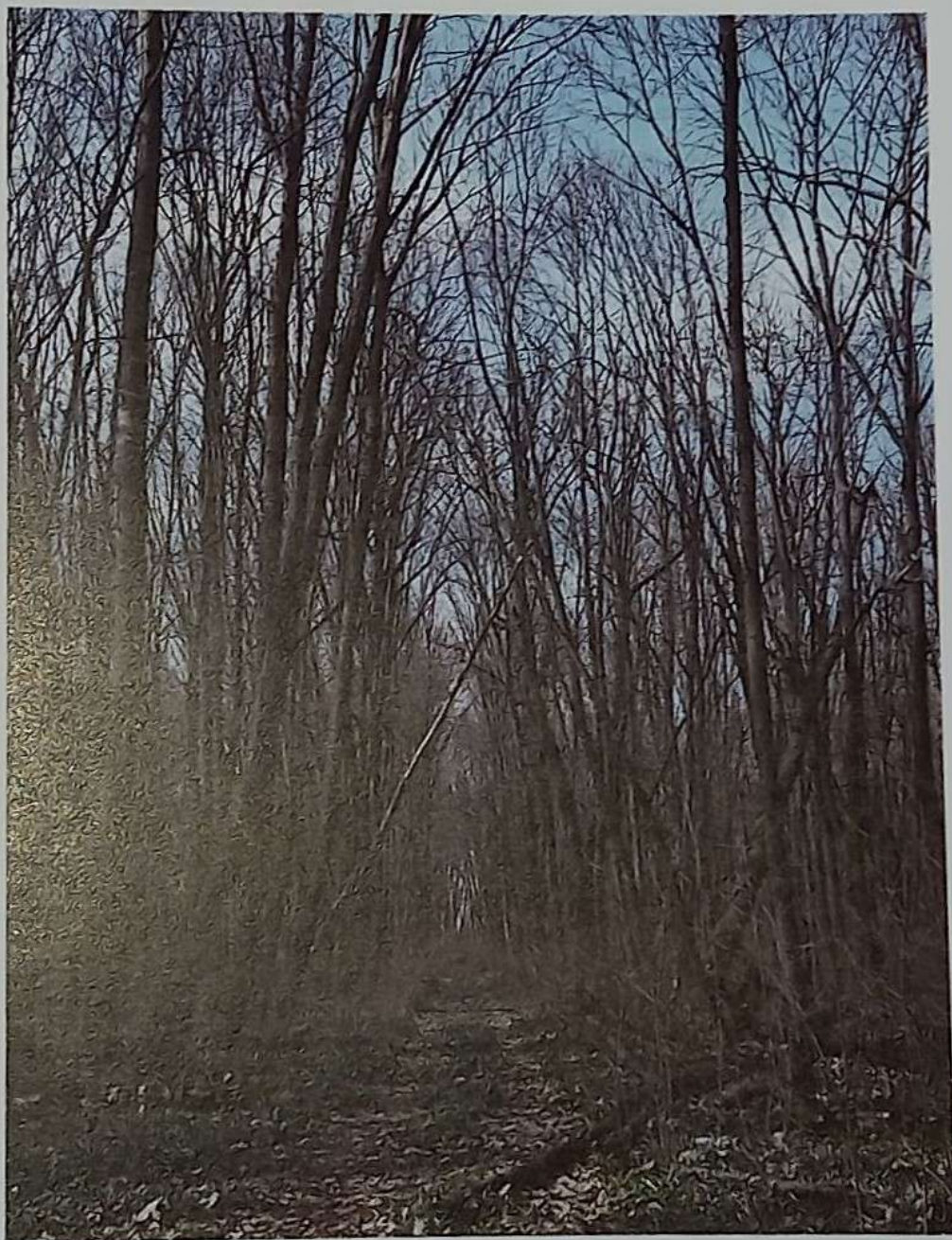
Весной 1907 г. выяснилось, что Григорий Николаевич Вельяминов уходит в отставку и вся их семья переезжает в Петербург»³⁴.

Причины выхода Г.Н. Вельяминова и переезда в Петербург пока неизвестны, но 14 ноября 1910 г. Григорий Николаевич скончался, по-видимому, в столице от воспаления легких и 20 ноября был погребён в фамильном склепе под Дмитриевским храмом с. Коробовка, устроенном для своих умерших родственников кн. Л.Д. Вяземским³⁵.

Имение Г.Н. Вельяминова в связи с малолетством его наследника — сына Владимира — было сразу же взято в ведение Усманской дворянской опеки, а вдова Григория Николаевича Ольга Фёдоровна назначена опекуницей «над личностью и именем малолетнего сына ея Владимира»³⁶. При этом 23 ноября 1910 г. составлена опись имения, в составе которого отметим только основные постройки и имущество: Земли 2 061 дес., оценена в 257 625 руб.; дом на фундаменте деревянный, обложенный кирпичом, 2-этажный с 24 комнатами, крытый железом, оценён в 10 000 руб.; конторский флигель каменный крытый железом 24 x 10 арш., оценён в 300 руб.; конюшня рысистых лошадей и каретный

сарай каменный, крытый железом 50 x 12 арш., оценён в 2 500 руб.; флигель белой кухни с помещением для служащих кирпичный, крытый железом 30 x 12 арш., оценён в 300 руб.; флигель молочный и кухни кирпичный, крытый железом 24 x 10 арш., оценён в 700 руб.; ледник деревянный, крытый соломой 20 x 8 арш., оценён в 100 руб.; баня деревянная, крытая железом 12 x 8 арш., оценена в 75 руб.; оранжерея и помещение садовника кирпичная, крытая железом 24 x 10 арш., оценена в 200 руб.; флигель помещения служащих кирпичный, крытый железом 26 x 10 арш., оценён в 200 руб.; людская рабочих кирпичная, крытая железом 22 x 10 арш., оценена в 200 руб.; кузница и депо кирпичная, крыта железом 15 x 8 арш., оценена в 100 руб.; амбар кирпичный, крытый железом 30 x 12 арш., оценён в 500 руб.; конюшня рабочая, крытая железом 50 x 11 арш., оценена в 500 руб.; депо кирпичная, крытая железом 20 x 10 арш., оценена в 150 руб.; свинятник, коровник и телятник с помещением скотников кирпичный, крытый железом 50 x 10 арш., оценён в 500 руб.; сарай инвентаря кирпичный, крытый железом 40 x 10 арш., оценён в 250 руб.; рига деревянная, крытая соломой 45 x 12 арш., оценена в 74 руб. При старом хуторе: флигель кирпичный, крытый железом 20 x 10 арш., оценён в 300 руб.; конюшня кизиковая, крытая соломой 20 x 9 арш., оценена в 400 руб.; амбар деревянный, крытый железом, обложенный кирпичом 20 x 9 арш., оценён в 250 руб.; рига деревянная, крытая соломой 22 x 11 арш., оценена в 100 руб. При новом хуторе: дом кирпичный, крытый железом с 4 комнатами 20 x 12

арш., оценён в 150 руб.; амбар деревянный, крытый железом 30 x 12 арш., оценён в 250 руб.; рига деревянная, крытая соломой 20 x 10 арш., оценена в 75 руб.; конюшня кизиковая, крытая соломой 50 x 12 арш., оценена в 150 руб.³⁷ Описана была и мебель в главном доме: «столов разных — 6, стульев разных — 50, кресел — 10, диванов — 2, шкапов — 5, зеркал малых — 3, зеркал больших — 1, умывальников — 3, кроватей разных — 10, шкаф буфетный — 1, столовая чайная посуда, самоваров — 3, икон в серебряных ризах — 6, диванов турецких — 2, ковер большой — 1, ламп разных — 10»³⁸.

Самовосстановившаяся аллея в усадебном парке. Фото автора, 2018 г.

В 1911 г. Владимир Григорьевич Вельяминов достиг 17-летнего возраста, в связи с чем имение его отца при сд. Никольское было передано ему в управление при попечении матери Ольги Фёдоровны Вельяминовой³⁹. В это же время В.Г. Вельяминов поступил на юридический факультет Московского университета, но в 1916 г. был уволен из университета «за непредоставление сведений о воинской повинности». Правда тогда же В.Г. Вельяминов просил выдать ему свидетельство о внесении его и отца в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии для поступления в Пажеский корпус⁴⁰.

В период трагических событий весны-осени 1917 г. Владимир, Мария и Ольга Вельяминовы часто упоминаются в дневнике их племянника кн. Бориса Леонидовича Вяземского (1883–1917). Например, «25 июня. Днём приехали Маруся и Оля Вельяминовы и рассказали, что к ним вчера приходили крестьяне и имели с ними неприятный разговор. Требовали удаления управляющего Суро-

ва... 28 июня. Аравийская жара, пыль. С утра до вечера был в Усмани с Марусей Вельяминовой. Заседание комиссариата, Совета солдатских депутатов, продовольственной и земельной комиссий об охране Лотарева и Байгоры... 17 августа. Ясно, но прохладно. Прозрачный осенний день. К ужину у нас Владимир и Маруся Вельяминовы... 19 августа. Ездили к чаю на Байгору, где В.В. Загорская с сыном. Владимир и Маруся колеблются, где хоронить тётю Ольгу, ввиду возможных выпадов крестьян»⁴¹. Упоминаемая здесь тётя Ольга — вдова Г.Н. Вельяминова Ольга Фёдоровна, а колебания по вопросу её похорон были вызваны реакцией крестьян с. Коробовка, которые активно сопротивлялись погребению погибшего в Петрограде кн. Дмитрия Леонидовича Вяземского (1884–1917) в семейном склепе кн. Вяземских и Вельяминовых в Димитриевском храме⁴².

Но вернёмся к событиям вокруг усадьбы... После «возникших внезапно» в июне 1917 г. в Усмани

Вид на р. Байгора, на берегу которой находилась усадьба Вельяминовых. Фото С.Н. Белых, 2018 г.

ском уезде «земельных беспорядков», уездная продовольственная управа решила взять имения кн. Вяземских и Вельяминовых под охрану всех правительственных и общественных организаций как «имений, представляющих редкие культурно-хозяйственные ценности»⁴². Охрану имений на местах было поручено организовать специально созданной комиссии. «Охрана тотчас была организована, расхищение леса и погрома лугов временно прекратились... Приблизительно в середине июля хищения и погромы возобновились с ещё большей силой... Этому способствовала политика уездного земельного комитета, работавшего всё время вне контакта с продовольственной управой... Такая сепаратная работа земельного комитета развела фронт общественных организаций, подорвала в населении уезда авторитет продовольственной управы и комиссариата и дала повод к фактическому крушению установленной охраны имений и к печальным событиям 22–26 августа, закончившихся столь трагическим финалом»⁴³.

После убийства 24 августа 1917 г. на станции Грязи кн. Б.А. Вяземского, усадьбы Лотарево и Никольское были взяты в управление Усманской уездной продовольственной управой, которая постановила: «Немедленно приступить к приёму инвентаря (живого и мёртвого) в имениях князя Вяземского и Вельяминовых, назначив для того особую комиссию из представителей уездных продовольственного и земельного комитетов и волостных продовольственных управ и выборных от окружающих имения сёл. Вслед за тем назначить для управления имениями особых эmissаров и срочно разработать меры к скорейшему удовлетворению нужд крестьян землёй на арендных условиях, причём само население призывается к охране имений от расхищения, лугов от погрома и лесов от порубки»⁴⁴. Как сообщают документы Усманской уездной продовольственной управы, на управление имениями «впоследствии было получено согласие на это со стороны владельцев имений»⁴⁵. И уже 30 августа 1917 г. временным эmissаром в имение Вельяминовых был назначен помощник земского агронома Иван Семёнович Недосекин «с окладом содержания в двести (200) руб. в месяц. Вознаграждение ставится в счёт доходов имения»⁴⁶. Продовольственная управа вменила эmissарам в обязанность разработать в ближайшее время план сокращения посевов «без нанесения ущерба коневодству и племенным рассадни-

кам скота», а также план наделения крестьян окружающих селений землёй этих имений, намереваясь приступить к «распределению свободной земли между нуждающимися». Однако в сентябре 1917 г. губернские власти постановили передать все бывшие имения в ведение земельных комитетов, а 6 ноября 1917 г. в результате «аграрных беспорядков в Усманском уезде» усадьба Вельяминовых, как и десятки других культурных хозяйств, была подвергнута разграблению со стороны местных крестьян. По-видимому, тогда же Вельяминовы покинули свою усадьбу и переехали в Москву к родственникам по материнской линии. По свидетельству внука кн. А.Д. Вяземского и правнука Н.В. Вельяминова кн. Георгия Иларионовича Васильчикова (1919–2008), Ольга Георгиевна Вельяминова погибла в Москве от шальной пули во время революционных событий октября 1917 г., а Мария Георгиевна, выйдя замуж за английского офицера, долго жила в Индии и скончалась в Англии в 1970-х гг.⁴⁸ Неизвестна пока судьба Владимира Георгиевича Вельяминова, но хочется верить, что он пережил события 1917 г. и Гражданской войны и нашёл свой последний приют в эмиграции.

Безвозвратно погибла и усадьба Вельяминовых в с. Никольское. В ноябре 1917 г. местные власти попытались взять на учёт экономии Вельяминовых и кн. Вяземских как образцовые и культурные хозяйства, но встретили сопротивление со стороны местных крестьян, поскольку те «настаивали на немедленном разделе между селениями живого и мёртвого инвентаря... Но под влиянием агитации представителей крестьян селений, а также и других лиц окрестные крестьяне начали приступать к самовольному разгрому экономий, остановить который члены комиссии были не в состоянии»⁴⁹. В итоге, в ноябре-декабре 1917 г. экономия В.Г. Вельяминова, как и хутор М.Г. Вельяминовой при с. Васильевском, были разгромлены⁵⁰.

Когда в августе 1920 г. представители Усманского уезмотсовхоза произвели осмотр усадьбы Вельяминовых, то оказалось, что «в главном имении из жилищных построек в целости сохранился флигель для служащих деревянный крытый железом, от прочих жилых и хозяйственных построек остались только стены, имеется сад две десятины и парк 10 десятин, огород около 5 д.; вследствие изложенного находим возможным организацию в гл. имении какое-либо ... или благотворительного учреждения. От

хуторов б. Вельяминова (старого и нового) ничего от построек не осталось, почему признаны ликвидированными»⁵¹.

Уцелевший чудом после разгрома усадьбы Вельяминовых деревянный дом размером 9 х 15 арш., крытый железом, был отдан Усманским земуправлением в аренду гражданке Марии Васильевне Умновой на 3 года бесплатно с условием лишь производить необходимый текущий ремонт строения⁵². Остатки кирпичных построек, в т.ч. и главного дома, 14–16 января 1926 г. продавались на слом, но «торги на все указанные постройки не состоялись за отсутствием покупателей»⁵³. Пришлось уездным властям самим нанимать местных жителей для этой работы. Так, 28 февраля 1927 г. житель с. Нижняя Матрёнка Гавриил Петрович Дмитриев дал расписку представителю Усманского уисполкома в том, что «получил за разбор кирпича из стен в б. имении Вельяминова в количестве пяти тысяч (5 000) штук по цене 4 руб. за тысячу. Всего получил денег двадцать рублей...»⁵⁴ В договоре от 21 февраля 1927 г. «Дмитриев с артелью в 10 человек обязан разобрать, очистить от известкового раствора и сложить в елки из построек б. имения Вельяминова кирпич в количестве 12 640 штук. Кирпич должен быть вполне очищенным от известкового раствора с цельными углами. Срок выполнения договора к 7 марта 1927 года»⁵⁵. Подобный договор уже на 18 000 штук кирпича был заключён 15 марта 1927 г. При этом уземотдел платил «смотрителю за ломкой кирпича в б. имении Вельяминова» И.К. Тянутову ежедневно 1 руб.⁵⁶

В марте 1927 г. полученный кирпич был поставлен по договору 4-му авиационному отряду города Липецка: «Перевезено из имения г. Вельяминова и Вяземского на с. Хворостянка кирпича в количестве 152 000 штук, из коих отгружено по месту назначения 132 тысячи, осталось на месте при ст. Хворостянке непогруженного кирпича 20 000 штук...»⁵⁷ По всей видимости, вельяминовские кирпичи послужили стройматериалом для зданий немецкой лётной школы в Липецке и ещё сегодня скрываются внутри нескольких сохранившихся строений...

А на месте усадьбы Вельяминовых близ п. Красное Знамя Грязинского района в настоящее время лишь при большом желании можно обнаружить среди деревьев в восстановившемся самосевом парке на берегу р. Байгора ямы и рытвины на месте главного дома и других построек.

- 1 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Л. 23.
- 2 Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 2. Вагины-Гюллинг. Рязань, 2007. С. 42–43.
- 3 Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 2. СПб., 1798. С. 22.
- 4 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Л. 23.
- 5 Там же.
- 6 Там же. Л. 28.
- 7 РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 1407. Л. 19.
- 8 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Л. 31.
- 9 Там же. Л. 41.
- 10 Там же. Л. 43.
- 11 Там же. Л. 68–68 об.
- 12 РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 162. Л. 59 об. – 60.
- 13 Там же.
- 14 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. СПб., 1851. С. 76.
- 15 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 4161. Л. 1.
- 16 Адрес-календарь и общий штат Российской Империи на 1847 год. Ч. 2. СПб. 1847. С. 183.
- 17 Данилов В.И., Дяткин О.Д. Усадьба близ с. Коробовка Грязинского района – в кн.: Усадьбы Липецкого края. Липецк, 2015. С. 20.
- 18 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Л. 211 об.
- 19 РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 375. Л. 81 об.
- 20 Там же. Ф. 577. Оп. 40. Д. 2028. Л. 3–3 об.
- 21 Там же. Л. 10–11 об.
- 22 Нащокина М.В. Архитекторы московского модерна. М., 2005. С. 85.
- 23 Найдёнов А.А., Слэкин А.В. Об усадебных постройках П.С. Бойцова на территории Липецкой области – в кн.: Исторический квартал. Альманах историко-культурного наследия Липецкого края. Вып. 4. Липецк, 2014. С. 107.
- 24 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Д. 211 об., 424–425.
- 25 Найдёнов А.А., Слэкин А.В. Указ соч. С. 112.
- 26 РГИА. Ф. 593. Оп. 20. Д. 2061. Л. 5–5 об.
- 27 Там же. Л. 15.
- 28 Там же. Л. 10–10 об.
- 29 ЦГАМ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 2675. Л. 1 об. – 2.
- 30 Там же. Л. 8.
- 31 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Л. 389.
- 32 Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леопольдовны Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 100–104.
- 33 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Л. 424–425.
- 34 Аксакова-Сивере Т.А. Семейная хроника. в 2 книгах. Кн. 1. Париж, 1988. С. 84–85, 88.
- 35 ГАЛО. Ф. 275. Оп. 1. Д. 135. Л. 300 об. – 301.
- 36 Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2 об.
- 37 Там же. Д. 3. Л. 5–6.
- 38 Там же. Д. 4. Л. 7 об.
- 39 Там же. Л. 15.
- 40 ГАТО Ф. 161. Оп. 1. Д. 293. Л. 418.
- 41 Лотаревская «Книга судеб» // Наше наследие. 1997. № 39–40. С. 72, 75.
- 42 Там же. С. 68–69.
- 43 ГАЛО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.
- 44 Имеется в виду убийство кн. Б.Л. Вяземского. См. Данилов В.И., Дяткин О.Д. Усадьба близ с. Коробовка Грязинского района – в кн.: Усадьбы Липецкого края. Липецк, 2015. С. 38; Лотаревская «Книга судеб»... С. 77–81.
- 45 ГАЛО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
- 46 Там же. Л. 20 об.
- 47 Там же. Л. 7.
- 48 Лотаревская «Книга судеб»... С. 87.
- 49 ГАЛО. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об.
- 50 Там же. Л. 172.
- 51 Там же. Д. 274. Л. 30.
- 52 Там же. Д. 1434. Л. 23.
- 53 Там же. Д. 2872. Л. 6.
- 54 Там же. Д. 2740. Л. 49.
- 55 Там же. Л. 65.
- 56 Там же. Л. 51.
- 57 Там же. Л. 5.